русскому языку, создававших основу для стиха нового типа — стиха речевого».[15]

Под это определение — речевой стих — никак нельзя подвести переложения псалмов Симеона Полоцкого, поскольку они писались не для чтения, а для пения, на определенный напев или «голос». Так думает А. В. Позднеев, много занимавшийся песнями XVII—XVIII вв. Объясняя причины обращения Симеона Полоцкого к «поющимся» жанрам поэзии, он пишет: «Очевидно, Симеон Полоцкий сначала сочинял вирши, которые успеха не имели (в списках XVII—XVIII вв. до нас дошли лишь единичные его произведения). Заметив успех духовных песен, он решил последовать этому образцу и сочинил стихотворные переложения псалмов, напевы к которым написал дьяк В. Титов, — таким образом они стали песнями и получили большое распространение».[16]

Этот песенный характер русская силлабическая поэзия сохраняет в XVIII в. еще и в творчестве Тредиаковского-силлабика. Все, что Тредиаковский написал до 1735 г., почти мгновенно распространялось в списках и пелось, занимало прочное и определенное место в культурном обиходе русского общества.

В песенной природе силлабических стихов Полоцкого не сомневается и исследовательница истории русской музыкальной культуры Т. Ливанова; «Если мы обратимся к первым годам XVIII века, даже к XVII столетию, то увидим, что традиция кантов, т. е. пения в определенном стиле светских лирических и панегирических, а ранее духовных текстов, существует до Феофана Прокоповича и с большой широтой документально прослеживается на русских рукописных памятниках, начиная во всяком случае от „Псалтыри“ Полоцкого—Титова, т. е. с 1680 года. До возникновения русских тонических стихов, до лирики Ломоносова и Тредиаковского канты распеваются на силлабические вирши».[17]

Да и сам Полоцкий в стихотворном предисловии к «Псалтыри рифмотворной» говорит о сильной потребности в русском обществе его времени получить псалмы в форме, пригодной для пения:

Полезно то и в домех оны честно пети, —
но без глас подложенных трудно то умети.
И разум сокровенный спону содевает, —
чтый бо ли поющ псалмы со трудом той знает.
Тем во инех языцех в метры преведени,
разумети и пети удобь устроени.

Более того, в стихотворении, обращенном к будущим читателям его «Псалтыри», Симеон Полоцкий убеждает их оставить мирские песни и петь его псалмы. В полемическом увлечении он готов утверждать, что пение псалмов почти гарантирует спасение души и полное нравственное очищение:

Хотяй спасенно дни своя прежити,
свободен умом от печалей быти:
Да тщится псалмы по вся дни читати
во славу богу или воспевати.
Ибо их разум сердце возбуждает
ко веселию и ум наслаждает.

---

[15] Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. ГИХЛ, М., 1958, стр. 235. (Разрядка моя, — *И. С.*).

[16] А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского заочного педагогического института, т. I. М., 1958, стр. 14.

[17] Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952, стр. 45.